

В ТРУДАХ И ПОИСКАХ

Штрихи к творческому портрету народного артиста УССР Ф. Г. ВЕРЕЩАГИНА

НАСТОЯЩИЙ художник не знает спокойствия, он вечен в движении, дерзании, в творческом горении, поисках. Правда, поиски бывают разные. Иным кажется, что тут достаточно обновления художественных форм, средств выразительности, так называемых эстетических новаций. В действительности же поиск — это прежде всего художественное разведывание и освоение нового жизненного материала, образное воплощение новых тем и проблем, взрыхление новых пластов действительности, открытие новых имен и названий.

С этой точки зрения художественный руководитель Винницкого музыкально-драматического театра имени Н. Садовского Федор Григорьевич Верещагин воистину беспокойный, неутомимый труженик на театральном поле.

Хотя и у винничан ставились иногда случайные драматургические вещи, показывались не всегда социально и художественно значимые произведения, но когда думаешь о главной линии репертуара театра, убеждаешься: она последовательна, направлена к воспроизведению на сцене народных судеб, народной жизни во многих ее сторонах и ракурсах, в далеком и недавнем прошлом и, прежде всего, в ее современном проявлении и звучании.

Ф. Г. Верещагин убежденный, я бы сказал — бескомпромиссный последователь сценического реализма, он точен, пожалуй, даже скрупулезен во всем, что касается внешних атрибутов действия. Порой, правда, в этом утрачивается чувство меры, нарушается гармония, выигрывает подчеркнутый бытовизм.

Однако, как бы ни были спорны те или иные постановки с точки зрения свежести сценического языка, — везде ощущается забота мастера о сохранении правды изображаемого, идейного смысла, гражданской направленности произведения. Везде и во всем он заботится о том, чтобы раз-

вертывающиеся драматические события и сталкивающиеся действующие лица воспринимались зрителем верно, исчерпывающе полно. Такая работа о предельной ясности звучания происходящего на театральных подмостках порой приводит к не всегда нужной на сцене подробности и пунктуальности.

Ну что ж, о вкусах, вопреки поговорке, можно и поспорить, приходится это порой делать и мне, когда разбираешь режиссерские работы Верещагина. Но год от года крепнет у меня уважение к мастеру за неуемное беспокойство, творческую неутомимость, острое гражданское чувство.

Настойчиво ищет Верещагин пьес, в которых раскрывались бы патристические деяния продолжателей. Отсюда завидно долготелая творческая дружба с Миколой Зарудным, который впервые зажил как драматург на винницкой сцене. Этим объясняется сценическое утверждение инсценировок романов другого выходца из Подолья — Ивана Стаднюка. Этим продиктовано и сбывшееся желание показать на сцене образ легендарного подольянина Василия Портика.

Не есть ли такое пристрастие проявлением «местного патристизма»? Конечно же, нет! Во-первых, местных тем и местных героев не существует. Если они находят подлинное поэтическое обобщение, достигают известных художественных высот, то становятся общезначимыми. Во-вторых, в подобной избирательности драматургического материала еще раз проявляется стремление Верещагина приблизить изображаемый материал к зрителю, сделать зрителя активным участником воспроизводимых событий: родное и близкое воспринимается с особой остротой и заинтересованностью. И в

этом сказывается давнее стремление режиссера активизировать театральную аудиторию, вовлечь ее в ход действия.

Да и можно ли говорить о «местном патристизме» художественного руководителя театра, на сцене которого ставились Гоголь, Островский, Чехов, Горький, грузины Дадияни и Бараташвили, белорус Макаёнок, латыш Райнис, эстонцы Кишберг и Райнет, узбек Каххар, таджик Байджиев, казах Мусрепов. Ставились с исключительной старательностью и тщательностью.

Существует, например, несколько редакций спектакля «Оборотень» эстонского классика А. Кишберга. Верещагин не только сам всесторонне знакомится с национальными особенностями эстонской жизни, с историей постановок пьесы, а и привлекает мастеров из Эстонии к работе над спектаклем, приглашает на просмотр и консультации тех, кто сам непосредственно ставил Кишберга у себя в республике — то есть самых знающих и придирчивых экзаменаторов.

Пусть в последнем спектакле винничан — в «Поэме о любви» Мусрепова — присутствует излишний, на мой взгляд, орнаментализм, известная стилизация. Но сколько труда приложили авторы постановки, чтобы спектакль был выдержан в национальном духе — от обстановка до героев. Верещагин вместе с художником Витавским и композитором Немченко специально ездили в Казахстан — так сказать, окунуться в местную жизнь, из первых уст услышать авторский замысел, изучить все подробности, касающиеся будущего спектакля.

Известно, что интернациональная природа советского театра заключается не только в том, что на его сцене ставятся произведения иных на-

циональных литератур или среди действующих лиц фигурируют представители разных национальностей, а прежде всего в самой проблематике сценических творений, в идейной основе, философии спектаклей. Систематическое обращение к жизни и творчеству народов СССР со всей очевидностью свидетельствует о том, что работникам театра и его руководителю близки идеи дружбы и братства народов, единения и взаимообогащения национальных культур. Именно потому, что Ф. Г. Верещагин убежденный интернационалист, он так ревностно заботится о художественном раскрытии борьбы, труда, чаяний своих земляков.

Не будем скрывать того, что граждански незрелые руководители театров и режиссеры порой неходят в своей деятельности из субъективных соображений — с позиций ложного понимания самоутверждения или из других не всегда принципиальных мотивов. Для Ф. Г. Верещагина важнее всего интересы театра, призванного играть активную роль в служении своему времени, обществу, народу, в образной, — то есть самой влияющей, — пропаганде советской идеологии и морали. Во имя этого он всегда и сам трудится с феноменальной самоотверженностью, и побуждает к этому других, всегда пребывает в поиске, стремится дать сценическую жизнь малоизвестному, неведомому, пусть и будет полубытая украинская классика («Катерина»), творения литераторов другой республики, драматургический дебют новика. Можно было бы, например, подробно рассказать, как, жертвуя своим отдыхом, Ф. Верещагин дежно и ношно — в одной упряжке с драматургом — помогал молодому автору в окончании пьесы о Василии

Портке, сколько было потрачено усилий, чтобы композиционно выстроить инсценировку полубытового романа, в котором режиссер увидел важные социальные и психологические проблемы.

В последнее время некоторые театроведы очень уж прямолинейно и механически толкуют об особенностях украинского музыкально-драматического театра. Они забывают и то, что высказывалось на сей счет классиками, хотя бы Иваном Франко, обходят как-то стороной движение самой жизни, развитие национальной культуры, видоизменения в драматургии. Ф. Верещагин, мне кажется, занимает верную позицию и в этом творческом вопросе. Признавая поэтическую природу, «песенную» душу украинского театра, он вместе с тем не настаивает на обязательности вокально-хореографического материала в любой постановке, избегает цитатности, исходит прежде всего из особенностей литературного первоисточника, воспроизводимых жизненных ситуаций, созданных автором обстоятельств и образов. В двуединой формуле «музыкально-драматический» режиссер

видит прежде всего драматическое начало, истолкованное в традициях, но не в механических повторениях классического театра. Так выглядят многие спектакли, поставленные им не только на винницкой сцене, а и в других театрах, скажем, в Киевском театре имени Ивана Франко («Не судилось»).

Когда я смотрю эпически монументальные постановки Федора Верещагина, слышу его страстные выступления на театральные и другие темы, слежу за его обликом, — по-молотому горящими глазами, патриархальной, как у Тира, седеющей головой, — первое слово, которое приходит на ум, — неистовство. Неистовство в хорошем смысле слова. Оно дает силы трудиться сутками, искать, спорить, отстаивать дело, которому служишь, которое нужно народу, партии и которое для него превыше всего.

Иосиф КИСЕЛЕВ.

* * *

На снимке (слева направо) Ф. Верещагин со своими коллегами заведующим музыкальной частью театра Д. Немченко, актрисой К. Норец и народным артистом УССР Н. Подошненко.

Фото Л. Борнсова.